

Кагитина Светлана Юрьевна

канд. филос. наук,

преподаватель английского языка

НОУ ВПО «Институт международной

торговли и права»

г. Москва

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ

Аннотация: в статье обоснована необходимость формирования социокультурных компетенций в современном профессионально-ориентированном обучении иностранным языкам. Важность данного подхода особенно актуализируется на современном этапе глобализации, связанным как с расширением межкультурных связей, так и с проблемой столкновения культур и их ценностей. В статье приводятся результаты исследования российской и западной ценностно-нормативных матриц, архетипических установок, обусловленных культурно-историческим наследием.

Ключевые слова: социокультурные компетенции, менталитет, аксиосфера, ценностно-нормативная матрица, архетипические установки.

В современном мире, идущем по пути глобализации, способность быстро адаптироваться к условиям международной конкуренции становится важнейшим фактором успешного и устойчивого развития. Главное преимущество высокоразвитой страны связано с ее человеческим потенциалом, во многом определяемым полученным образованием. Модернизация российской профессиональной школы, в первую очередь высшей, должна рассматриваться как адекватный ответ на вызовы реального процесса глобализации рынка образовательных услуг, интеграции России в общеевропейское и мировое образовательное пространство.

Вполне закономерно, что модернизация образования, происходящая на современном этапе инновационного развития российского общества, выдвигает новые условия включения в учебный процесс прикладных дисциплин, обеспечивающих гарантированное профессиональное качество подготовки международного менеджера как специалиста, обладающего глобальным рыночным типом мышления и межкультурной деловой компетенцией. Таким образом, на повестку дня выдвигается проблема социокультурного подхода для профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, направленного на формирование представления о диалоге культур как «безальтернативной философии мира» [5]. При этом социокультурный компонент трактуется как совокупность представлений о культуре и ценностях страны изучаемого языка, что позволяет строить вербальное и невербальное взаимодействие согласно принятым нормам в среде носителей языка, толерантно воспринимать другой образ мышления и картину мира, отмечать различия и сходства с культурой родного языка.

По нашему мнению, именно ценности играют детерминирующую роль в коммуникативном процессе. Знание национально-культурных особенностей менталитета носителей изучаемого языка дает возможность понимать взгляды и мнения представителей других культур, преодолевать конфликты в процессе коммуникации, соответственно корректировать свое поведение, признавать право на существование различных ценностей и норм поведения.

Современные глобализационные процессы напрямую связаны с распространением и доминированием английского языка и западной культурной модели, в основе которой, как известно, лежат либерально-демократические ценности. Необходимо отметить, что аксиосфера западной картины мира определяется архетипическими установками сформированными ценностями протестантизма [3].

Что же отличает систему норм и ценностей западного христианства, каковы ее установки и насколько отличны они от православных?

Давайте рассмотрим основные концепты западной аксиоматрицы (под концептом мы вслед за Ю.С. Степановым, понимаем ментальные образования, присутствующие в национальном, коллективном сознании и отражающие характерные для данной лингвокультурной общности системы ценностей) [7]. По мнению большинства исследователей, основополагающим здесь является концепт «Individual freedom». В протестантской вере индивидуум занимает приоритетное место, что в итоге выразилось в становлении индивидуалистических ценностей современного западного социума. В этой картине мира концепт «личной свободы» семантизируется как свобода человека от каких-либо условностей и ограничений, кроме ограничений, налагаемых законодательством. Либеральный стандарт исходит из презумпции свободы индивидуума как цели и средства человеческого существования, а также из утверждения абсолютной ценности личности «...ибо сам Господь, сотворивший человека по образу и подобию Своему, вложил в него Божественный дар свободы воли. Индивидуальные свободы человека допускаются, если они не входят в противоречие с законом и не нарушают свободы другого человека» [2].

Следующим немаловажным смыслообразом западного менталитета является концепт «Self-reliance». Концепт «личная свобода» в западной системе ценностей неразрывно связан со способностью полагаться на собственные силы, не зависеть от других, быть проактивным, поскольку протестантизм признавал единственную зависимость человека – зависимость от Бога. «Подчиняясь Богу, человек обретает истину и освобождает себя. В противном случае зависимость от другого человека, организации или государства постулируется протестантским этосом как проклятие собственной истинной свободе. Кроме того, полагаясь на себя, человек никого не отягощает своей зависимостью, а следовательно, соблюдают свободу и права других» [2].

Еще одним краеугольным камнем западной ценностной матрицы является концепт «Material wealth». Многие исследователи, вслед за М. Вебером, который, проанализировав взаимодействие экономических условий, социальных факторов и религиозных убеждений, сформулировал отличительные черты

протестантской этики, указывают на тот факт, что в процветающих странах преобладает протестантская религия. В протестантском сознании отношение к труду, к материальным ценностям коренным образом отличается от такового в других религиях, в том числе и в православии. Протестант живет, чтобы работать, и профессия для него – форма существования, в то время как православный человек работает, чтобы жить и профессия для него – это зачастую бремя. Богатство в протестантской картине мира ассоциируется с исполнением своего долга, в том числе и перед Богом. Выполнение этого долга в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая нравственная задача человека, во-вторых, протестанту следует избегать наслаждений – и в совокупности это должно обеспечить рост богатства. Таким образом, именно в протестантской картине мира возникает концепт «предприниматель» – трудолюбивый, инициативный, скромный в потребностях, любящий деньги ради самих денег [1]. В основе протестантской веры лежит представление о «богоизбранности». А главными признаками богоизбранности являлись предприимчивость, трудолюбие, бережливость, стремление к успеху, накопление богатства – все то, что и позволило Америке, в частности, занять лидирующие позиции в мире, стать одной из самых экономически и политически развитых стран.

Описывая национально-культурные особенности западной картины мира нельзя не отметить и такие концепты как «Equality of opportunities» и «Rationalism». Протестантизм как и католическая вера, более рационален, причин тому несколько: во-первых, «вера в западном религиозном сознании рассматривалась как договор между верующим и Богом о спасении при условии соблюдения первым заповедей, во-вторых, церковь на протяжении всей истории поддерживала развитие науки и технического прогресса, что сочеталось с протестантской «этикой достижений», в-третьих, протестантская вера, выйдя из католицизма, унаследовала традиции европейской рациональной философии христианства.

Протестантские архетипические установки глубоко укоренены в менталитете западного человека, влияя и на современную систему ценностей и массовое сознание: начиная от всеобщего культа успешности, погони за «Американской мечтой», возведения в абсолют понятий законности и прав человека до стереотипов современного массового сознания.

Такая идеология идет вразрез с православным учением о труде и богатстве. Сфера, создаваемая трудом, это сфера земного, материального благополучия. Но поскольку сама эта сфера не ценится высоко в православной традиции, то и труд как средство созидания материального благополучия, нигде не ставится в один ряд со спасением и терпением. Труд в православной системе ценностей отводится подчиненное место по отношению к высшим духовным ценностям.

В значительной мере русское православие характеризуется созерцательно-недеятельным характером в отношении мирской жизни. Православное богословие мало занималось вопросами мирского усовершенствования, оставаясь равнодушным к самой идее прогресса в социальной жизни. Это отличает его от протестантизма и католичества, для которых характерна большая вовлеченность в жизнь социума. Русская вера носит трансцендентный характер: «Русская вера вся по ту сторону гроба» [6]. По мнению В.В. Розанова: «...разлагаясь, умирая, Византия передала России «смертельную ненависть к племенам западным, более счастливым по исторической своей судьбе, и к самому корню их особого существования принципу жизни, акции, деятельности» [4], для нее характерно пренебрежение земными ценностями: бедность, немощь рассматриваются как добродетель. «Бедность не порок» – гласит русская пословица.

Православие не знало революции духа аналогичной западноевропейской Реформации, которое не только в некоторой степени поколебало догматы веры, но было связано с огромными человеческими потерями, что, в конечном итоге, привело к «очеловечиванию» религиозных канонов, к большей веротерпимости и либеральности.

В основе русской веры – понятие «соборности», за которым стоит исконно русский коллективизм, что всегда почиталось великим преимуществом русского народа, но в современной действительности это также означает и недостаток индивидуальности, личной ответственности, самосознания. Русская вера предполагает смирение, непротивление, пассивность: «Дай Бог», «Бог поможет», «на все воля Божья» – ожидание чудесной Божьей помощи вместо напряжения умственных и физических сил.

Еще один феномен российского менталитета, восходящий к православной этике – принятие авторитаризма государственной власти, невозможность народа законными путями менять эту власть, влиять на ее действия. Это также обусловлено религиозной мотивацией и связано с русской верой в непогрешимость высшего правителя, с верой в царя как исполнителя высшей, Божественной воли на земле.

При сопоставлении данных ценностно-нормативных матриц выявляются значительные различия, что потенциально может явиться причиной межкультурного непонимания и сбоев в процессе коммуникации. Но, по нашему мнению, знание и анализ данных проблем представляет значительные возможности для их конструктивного решения. Поскольку межкультурная коммуникация является многокомпонентной, она не ограничивается констатацией имеющихся различий в западной и российской культуре, а непременно предполагает ведение диалога и толерантность к другим взглядам и представлениям.

В заключение, еще раз хотелось бы отметить, что формирование социокультурных компетенций является принципиально важным в контексте современных глобализационных процессов, связанных как с ростом и расширением межкультурных контактов и связей, так и проблемой столкновения культур и их ценностей.

Список литературы

1. Вебер М. Избранное / М. Вебер. – М.: Юрист, 1994. – С. 157.

2. Девос Д. Заново открывая американские ценности. Основания нашей свободы в XXI веке / Д. Девос. – СПб.: Диля, 2010. – С. 30–33.

3. Кагитина С.Ю. Россия в глобализирующемся мире. Становление новой системы ценностей современного российского общества / С.Ю. Кагитина // Межкультурная коммуникация и лингвокультурология: Материалы международной научно-практической конференции. – М.: ГУУ, 2011. – С. 78.

4. Розанов В.В. Религия, философия, культура / В.В. Розанов. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2002. – С. 292.

5. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам / В.В. Сафонова. – М.: Высш. шк: Амскорт интерншнл, 1991. – С. 311.

6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: АСТ, 1997. – С. 47.